
Восхождение падшего легиона
Сердце бури
Элиан Рейнвендар

Восхождение падшего легиона

Элиан Рейнвендар

Восхождение падшего легиона. Сердце бури

«Автор»
2025

Рейнвендар Э.

Восхождение падшего легиона. Сердце бури / Э. Рейнвендар — «Автор», 2025 — (Восхождение падшего легиона)

Легион Призрачного Клинка стал символом надежды, но пламя славы грозит поглотить его самого. Раскол между полководцем Каэланом, ищущим путь искупления, и его яростным lieutenant Варгом, жаждущим лишь мести, достигает точки кипения. Чтобы выжить, им приходится иметь дело с коварным Алхимическим Консорциумом, видящим в Багровом Тумане источник прибыли, и вступить в опасный союз с гордыми аэндорами, чья цена за помощь может оказаться непомерной. Их цель — уничтожить источник проклятия, но правда, скрытая в Сердце бури, оказывается страшнее, чем они могли представить. Лорд Малкаор, виновник их падения, — не тиран, а тюремщик, отчаянно сдерживающий древнее зло. Теперь Каэлану предстоит невозможный выбор: объединиться с величайшим предателем, чтобы спасти мир, или дать волю гневу Варга и обречь всё живое на гибель. Война с Империей окончена — начинается битва за душу мира.

© Рейнвендар Э., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 5
Глава 1: Пламя сопротивления 8
Глава 2: Алхимики и союзники 22
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Элиан Рейнвендар
Восхождение падшего легиона. Сердце бури

Пролог

Ветер, пахнущий пеплом и озоном, гулял по руинам древнего храма. Он шевелил волосы на голове Каэ лана, но не мог сдуть тяжесть, что въелась в его кости глубже, чем усталость. Они стояли на краю – он, его Легион и те, кто к ним прибился. Внизу, в долине, клубился Багровый Туман. Он не был пассивным явлением, нет. Он пульсировал, как гниющая рана на лице мира, медленно, но верно расползаясь в стороны, поглощая высохшие леса и остатки дорог. Иногда из его гущи доносился далекий, леденящий душу вопль – то ли ветра в каменных расщелинах, то ли души, что навеки увязли в этом мареве.

Каэлан сжал рукоять клинка у пояса. Он не чувствовал привычного холодка металла. Только нарастающий, тупой гул, исходивший из самого сердца оружия. Он стал компасом, указывающим на боль мира, и его стрелка неумолимо смещалась к этому месту. К Сердцу Бури.

– Он стал гуще, – тихо произнесла Лира, подходя к самому краю обрыва. Ее пальцы в перчатках нервно перебирали склянки с реагентами на поясе. – Смотри. Края… они стали четче. Он структурируется.

– Значит, Малкаор не просто держит оборону, – отозвался Варг. Он стоял чуть поодаль, опираясь на огромный, зазубренный топор. Его лицо, изборожденное шрамами, было невозмутимо, но в глазах, похожих на два куска угля, плескалась знакомая Каэлану ярость. Ярость, которую тот научился сдерживать годами, а Варг – лелеять. – Он усиливается. Пока мы тут прячемся в развалинах, как мыши, он копит силы.

– Мы не прячемся, – возразил Каэлан, и его голос прозвучал тише, чем он хотел. Он чувствовал на себе взгляды всех, кто был на платформе. Выжившие ветераны Призрачного Клинка, чьи души были привязаны к этому миру лишь его волей и проклятием клинка. Новобранцы – беженцы, фермеры, разбойники, в чьих глазах горел огонь мести и наивная вера в то, что Падший Легион – их спаситель. И Элиан, Молчаливый Брат, чьи глаза видели куда больше, чем у других. – Мы собираемся с силами. Мы ищем слабость.

– Слабость? – Варг фыркнул и плюнул в сторону Тумана. – Его слабость в том, что у него есть горло, которое можно перерезать. Мы знаем, где он. В цитадели. Весь этот туман… это просто дым от костра, который он разжег. Потуши костер – и дым рассеется.

Лира резко обернулась. – Это не дым, Варг! Это не просто магия. Это… субстанция. Искаженная душа. Ты хочешь потушить костер, даже не зная, что горит? Ты сожжешь весь континент.

Спор старый, изматывающий. Честь против прагматизма. Месть против спасения. Каэлан слушал их, но его сознание уплывало. Клинок на бедре звал его, тянул вниз, в эту багровую пучину. Он закрыл глаза, и перед ним проплыли видения. Неясные тени в тумане, шепот, полный боли и обещаний. Он видел лица тех, чьи души были поглощены в день Ритуала. Они звали его. Не как спасителя. Как своего.

Он сглотнул комок в горле и заставил себя открыть глаза. – Варг прав в одном. Мы не можем ждать. Туман растет. И он привлекает… мух.

Его взгляд скользнул по долине к востоку, где у самой кромки Тумана виднелись огни нового лагеря. Лагеря не Малкаора. Людей. Они возвели частокол, мачты с странными знаменами, над которыми висело облако алхимического смога. Алхимический Консорциум. Они

пришли, как стервятники на падаль, видя в Тумане не угрозу, а неисчерпаемый источник энергии, новый рынок, новую власть.

– Стервятники, – проворчал Варг, следуя за его взглядом. – Я говорил. Надо было выжечь их лагерь, когда они только появились.

– И объявить войну еще и им? – покачал головой Каэлан. – Наших сил едва хватает на то, чтобы досаждать Малкаору.

– Силы… – Варг усмехнулся. – Наши силы – это ты, Каэлан. Этот клинок. И призраки, что ходят за тобой по пятам. Остальное – балласт. – Он бросил взгляд на группу новобранцев, которые робко стояли у входа в руины.

В воздухе повисло напряженное молчание. Даже ветер стих, словно прислушиваясь. И в этой тишине раздался новый звук. Сначала тихий, похожий на шелест крыльев гигантской бабочки. Потом громче. Ритмичный, металлический скрежет. Он доносился не снизу, а сверху, из клубящихся, неестественно багровых облаков.

Все подняли головы. Элиан, до этого стоявший неподвижно, как статуя, сделал шаг вперед, его рука непроизвольно поднялась к амулету на груди.

Из облаков вынырнула фигура. Не птица. Не дракон. Человекоподобное существо с огромными, переливающимися перламутром крыльями. Его кожа была бледной, как лунный свет, а черты лица – утонченными и холодными, лишенными всякой эмоции. Оно парило в воздухе, не обращая внимания на токсичный ветер, его большие, полностью черные глаза бесстрастно осматривали руины, Легион, Туман внизу. В руке оно держало нечто вроде копья, но сделанного не из металла, а из хрусталя, испещренного изнутри мерцающими прожилками.

– Аэндор, – прошептала Лира, и в ее голосе прозвучал оттенок не страха, а благоговейного ужаса. – Я читала о них. Они живут… внутри бурь. Они считают себя судьями.

Существо сделало круг над их головами, его крылья не производили ни звука. Казалось, оно просто скользило по воздуху. Потом его взгляд остановился на Каэлане. На клинке у его пояса.

Оно не произнесло ни слова. Оно не должно было. Его присутствие было посланием. Оно наблюдало. Оценивало. И его приговор читался в абсолютной, ледяной отрешенности его черных глаз.

Затем, так же внезапно, как и появилось, оно взмахнуло крыльями и растворилось в багровой пелене облаков, оставив после себя лишь легкую дрожь в воздухе и чувство глубокой, экзистенциальной незначительности.

Первым нарушил тишину Варг. – Еще один игрок. Прекрасно. Мир сходит с ума, а небесные уроды решили посмотреть на представление.

Но Каэлан его не слушал. Он смотрел на ту точку, где исчез аэндор, а потом перевел взгляд на растущий внизу Туман, на огни лагеря алхимиков. Клинок на его бедре горел ледяным огнем, связывая все это воедино. Партизанская война, надежда для отчаявшихся, алхимики-стервятники, крылатые судьи и древнее проклятие, бьющееся в его ножнах, как второе сердце.

Он вспомнил финальные слова их старого плана, того, что привел их сюда: «Чтобы одержать победу, им нужно найти способ не просто сражаться, а разрушить сам Багровый Туман».

Они искали слабость. Но мир, казалось, отвечал им лишь нарастающей бурей. И Каэлан понимал, с ледяной ясностью, что они больше не охотятся. Они сами стали добычей в этом великом хаосе. Буря сходила с ума, и ее Сердце билось все громче, призывая их к себе. Навстречу гибели. Или искуплению.

Он повернулся к своим людям. К ветеранам, чьи глаза помнили предательство. К новобранцам, чьи глаза полны надежды. К Лире, ищущей ответы. К Варгу, жаждущему действия. К Элиану, ищущему покой.

– Готовьтесь, – сказал Каэлан, и его голос на этот раз прозвучал твердо, прорезая тяжелый воздух. – Наш путь ведет в самое сердце бури. И мы тронемся с рассветом.

Он не знал, что они найдут. Но он знал, что стоять на месте – значит позволить буре поглотить их. Они были Падшим Легионом. И их восхождение только начиналось.

Глава 1: Пламя сопротивления

Дождь начинался как нечто почти невинное, редкие тяжелые капли, шлепавшиеся о пыльную, вытоптанную землю ущелья, оставляя темные пятна на сером камне. Но очень скоро невинность эта иссякла, и хлынул настоящий ливень, холодный, пронизывающий, безжалостный. Он заливал все вокруг, превращая грунт в липкую, скрипучую на зубах грязь, стекал с плащей и шлемов, заливаясь за шиворот, заставляя людей ежиться и проклинать погоду, империю и свою несчастную долю под нос, тихо, чтобы не услышали старшие. Варг, стоявший под нависающей скалой, словно древний тролль в своей пещере, на погоду не роптал. Он ее не замечал. Весь его мир сузился до узкой полоски дороги внизу, до скрипа колес и отрывистых команд имперского офицера, которые едва доносились сквозь шум воды.

Его люди не двигались. Они были частью скалы, частью грязи и мокрого кустарника. Пятьдесят теней, рассыпанных по склонам ущелья. Ветераны Призрачного Клинка, те, кто прошел через ад Ритуала и чьи души, казалось, впитали в себя упрямство камня. Они не дрожали от холода, не перешептывались. Они ждали. Ждали знака.

Обоз был длинен и хорошо охраняем. Не просто повозки с провизией. Это был караван смерти. Десяток тяжелых, крытых брезентом фургонов, запряженных четверками выносливых, но угрюмых мулов. И за каждым фургоном шли люди. Новобранцы империи. Мальчишки с испуганными и одновременно восторженными глазами, облаченные в новенькие, но еще не приношенные кирасы, с гладкими, не обагренными кровью клинками на поясах. Их вели, как скот на убой. А на брезенте, под которым угадывались жесткие контуры баллист, катапульт малого калибра и бочки с чем-то, от чего даже сквозь дождь тянуло сладковатым, тошнотворным запахом алхимического огня, красовалась эмблема – стилизованная золотая реторта на черном фоне. Знак Алхимического Консорциума. Стервятники уже не просто кружили у края Тумана. Они поставляли Малкаору орудия для ведения войны.

Варг провел ладонью по мокрому лезвию своего топора, счищая налипшую грязь. Его пальцы, толстые и покрытые старыми ожогами, привычно обхватили рукоять, ощущая шероховатость обмотки, пропитанной потом и кровью. Он не испытывал ненависти к этим мальчишкам внизу. Они были пушечным мясом, пешками в игре, правила которой не понимали. Он презирал их за наивность, за готовность служить тому, кто обрек на смерть его братьев. Но ненависть – это роскошь, которую он не мог себе позволить. То, что он делал, было необходимостью. Хирургическим ударом. Отсечь гниющую конечность, чтобы спасти тело.

Его взгляд скользнул к противоположному склону, где, он знал, прятался Каэлан с другой половиной отряда. Он не видел его, но чувствовал его присутствие. Чувствовал тупое, ноющее присутствие клинка, эту странную вибрацию в воздухе, которая становилась фоном его жизни. Каэлан хотел взять офицеров в плен, получить информацию. Варг считал это слабостью. Мертвые враги не стреляют и не доносят. Но он подчинился. Пока что.

Имперский офицер, щеголявший в лакированной, не спасшей от дождя кирасе, прокричал что-то, и головная часть обоза стала замедлять ход, упираясь в особенно размытый участок дороги. Колеса забуксовали, вязли в грязи. Идеальная ловушка.

Варг медленно, словно пробуждаясь от долгого сна, поднял руку. Пятьдесят пар глаз, скрытых в ливне, уставились на него. Он выдержал паузу, давая напряжение внизу достичь пика, давая страху новобранцев проявиться в их беспокойных взглядах, в том, как они теснее сжимались вокруг повозок. Потом рука резко опустилась.

Тишину разорвал не боевой клич. Тишину разорвал свист. Тонкий, леденящий душу звук, который шел не из глоток его людей, а из самого воздуха. Это были призраки. Те, кого он когда-то вел в бой, чьи души были вплетены в проклятие Каэлана. Они не могли сражаться физически, но они могли сеять ужас. Их невидимые фигуры пронеслись над ущельем, и дождь

на мгновение изменил свою траекторию, огибая их незримые формы. Лошади в упряжках взбесились, заржали, встав на дыбы, сбивая с ног конюхов. Мальчишки-новобранцы закричали, в их голосах был не просто испуг, а первобытный ужас, страх перед необъяснимым, перед мертвыми, вставшими из могил.

И в этот момент хаоса из-за камней, из грязи, из-под самого, казалось бы, надежного укрытия поднялись люди Варга. Они не кричали. Они обрушились на обоз молча, как лавина. Их движения были отточены, экономичны и смертоносны. Это не была битва. Это был забой.

Варг сошел со своей позиции. Он не бежал. Он шел. Тяжелой, неспешной походкой, его массивный топор был перекинут через плечо. Грязь чавкала под его сапогами. Первым, кто попытался ему противостоять, был один из сержантов, здоровенный детина с алебардой. Он что-то крикнул, занося оружие. Варг даже не изменил темпа. Он сделал шаг вперед, его топор описал короткую, уродливую дугу. Не было красивого удара. Был тупой, костоломный хруст. Алебарда слетела с деревянного древка, а сам сержант рухнул на землю, его кираса была смята и вдавлена в грудную клетку. Варг даже не взглянул на него. Он шел дальше.

Его люди работали четко. Двое-трое на одну повозку. Один отвлекал охрану, другой перерезал глотки испуганным возницам, третий забрасывал в кузов брезента факел, обмотанный промасленной ветошью. Вспыхивали бочки с алхимическим огнем. Яркие, почти белые вспышки, которые на мгновение затмевали серый свет дня, заставляя дождь шипеть и испаряться. Грохот взрывов, треск дерева, вой людей и животных – все это слилось в оглушительную симфонию разрушения.

Варг дошел до центра обоза, где офицер в лакированной кирасе пытался организовать оборону, сбив нескольких солдат в подобие каре. Увидев Варга, он побледнел, но выхватил шпагу.

– Дикарь! Мерзавец! – выкрикнул он, и его голос дрожал от ярости и страха.

Варг не ответил.Он просто двинулся на него. Солдаты сомкнули ряды, но это был жест отчаяния. Варг размахнулся своим топором, не целясь в конкретного человека. Удар был сокрушительным, как таран. Он сломал копье, раскроил щит и отшвырнул одного из солдат в сторону, где его тут же добили подоспевшие бойцы Легиона. Каре рассыпалось.

Офицер отступил на шаг, замахнулся изящной шпагой. Фехтовальный выпад, быстрый и точный, прямо в глотку. Варг даже не уклонялся. Он подставил под удар наплечник из закаленной кожи и стали. Клинок со скрежетом отскочил. В глазах офицера вспыхнуло недоумение, смешанное с ужасом. Он не понимал, как можно сражаться с этой грубой, животной силой. Варг воспользовался его замешательством. Его левая рука, большая, как окорок, схватила офицера за кирасу и притянула к себе. Правой же, все еще сжимавшей топор, он нанес короткий, мощный удар рукоятью в висок. Хруст был негромким, приглушенным шумом битвы. Офицер обмяк. Варг бросил его бездыханное тело в грязь.

Он окинул взглядом поле боя. Основное сопротивление было сломлено. Его люди добивали оставшихся, резали упряжь, поджигали последние повозки. Дождь, казалось, лишь злился от этого неповиновения, хлестал с удвоенной силой, пытаясь потушить пожары, но алхимический огонь горел даже под водой. Черный, едкий дым смешивался с паром от горящих тел и поднимался к небу, словно жертвоприношение темным богам.

Именно тогда он увидел Каэлана. Тот стоял на небольшом возвышении, его плащ был промокшим и тяжелым. Он не сражался. Он наблюдал. Его рука лежала на эфесе Призрачного Клинка, и по лицу его, обычно непроницаемом, пробегали судороги. Варг знал, что он чувствовал. Каждый смертный крик, каждый вздох ужаса отзывался в нем эхом. Клинок впитывал всю эту боль, всю эту агонию, и делился ею со своим хозяином. Это была их сила. И их проклятие.

К Варгу подошел один из его сержантов, коренастый детина с обезображенным оспой лицом. – Все чисто, командир. Ни одного живого. Ни одной целой повозки.

Варг кивнул,его взгляд все еще был прикован к Каэлану. – Потери?

– Двое раненых. Легко. Один новобранец из ополчения, полез на рожон, его штыком ткнули. Второй – наш, Орик, поскользнулся, подвернул ногу.

– Тащите их. Уходим, пока подмога не пришла.

Он направился к Каэлану, с трудом вытаскивая ноги из размокшей земли. Каэлан повернулся к нему. Его лицо было бледным, глаза запавшими.

– Ты взял офицера в плен? – спросил Варг, уже зная ответ.

– Он мертв, – тихо сказал Каэлан. – Ты убил его.

– Он был солдатом врага. Он сделал бы то же самое со мной. Или с тобой.

– Эти новобранцы… они почти дети, Варг.

– Дети с зажженными фитилями у бочки с порохом, – отрезал Варг. – Они выбрали свою сторону. Мы не можем позволить себе милосердие, Каэлан. Милосердие – это роскошь для тех, кто воюет в честной войне. Наша война нечестная. Она грязная. И мы будем пачкать руки, пока не вымоем их в крови Малкаора.

Он посмотрел на горящие обломки, на трупы, которые дождь начинал медленно заливать водой, смывая кровь в грязь. Успех. Тактическая победа. Они лишили врага партии мощного оружия, убили несколько десятков солдат. Но Варг не чувствовал триумфа. Он чувствовал лишь тяжелую, знакомую усталость и холодную уверенность в том, что этот кровавый путь – единственный, что у них остался. Они были Пламенем Сопротивления. И чтобы выжить, им приходилось жечь все дотла.

Возвращение в лагерь было долгим и молчаливым маршем под нескончаемым осенним дождем. То чувство сплоченности, что возникало в пылу короткой, жестокой схватки в ущелье, растворилось, уступив место усталости, боли от ран и гнетущему осознанию того, что они несли с собой. Не только трофеи – несколько мешков с зерном, выброшенные с горящих повозок, пару десятков исправных клинков, снятых с мертвых новобранцев – но и нечто более тяжелое. Невидимый груз, что давил на плечи каждого ветерана и заставлял новичков озираться с новым, недетским пониманием в глазах. Они убили детей. Пусть и с оружием в руках. Пусть и по необходимости. Но этот факт витал в промозглом воздухе, смешиваясь с запахом мокрой шерсти, пота и дыма, все еще въевшегося в их одежду.

Лагерь Легиона раскинулся в чашеобразной долине, скрытой от посторонних глаз кольцом низких, поросших хвойным лесом холмов. Когда-то здесь было что-то вроде святилища или сторожевого поста древней, забытой цивилизации. От главного здания остались лишь фундамент да несколько полуразрушенных арок, поросших мхом. Теперь это сердце их сопротивления. Но сердце, переполненное до предела.

Когда Варг во главе своего отряда ступил под сень деревьев, его встретила не организованная стража, а хаотичное зрелище. Лагерь, который они покинули два дня назад как относительно упорядоченное военное поселение, теперь больше походил на гигантский, грязный муравейник, разворошенный палкой. Повсюду, куда падал взгляд, теснились палатки, шалаши, наскоро сколоченные навесы из веток и брезента. Десятки, сотни новых лиц. Старики с пустыми, потухшими глазами, сидевшие у мокрых, с трудом разожженных костров. Женщины, пытавшиеся накормить плачущих младенцев, их одежда представляла собой лоскутное одеяло из грязи и отчаяния. Подростки с худыми, испуганными лицами и палками в руках, имитирующими оружие. Воздух был густым от запаха немытых тел, дыма сырых дров и запаха отчаяния, который был почти осязаем.

– Что, черт возьми, это такое? – прохрипел Варг, останавливаясь на краю этой человеческой реки. Его пальцы снова сжали рукоять топора, но на этот раз не было врага, на которого можно было обрушить удар.

К ним пробивался Элиан, его темный плащ, обычно ниспадающий строгими складками, теперь был забрызган грязью. Лицо Молчаливого Брата было маской усталой печали.

«Слава»,– прозвучало беззвучно в сознании Варга, тонкий, как лезвие бритвы, шепот, который был знаком Элиана. – «Весть о нашей победе у Перекрестка Трех Скал разнеслась быстрее, чем скаковая лошадь. Они идут. Со всех разоренных деревень, с сожженных ферм. Они слышали, что Падший Легион – их защита».

– Защита? – Варг с презрением окинул взглядом толпу. – Мы партизанский отряд, а не благотворительная богадельня! Кто их всех сюда пустил? Где Каэлан?

«Он в старом святилище. С Лирой. Они пытаются наладить распределение еды. Еды на всех не хватит и на неделю».

Пробираться к центру лагеря было задачей не для слабонервных. Им приходилось буквально расталкивать людей. Ветераны Варга шли, глядя прямо перед собой, их закаленные лица не выражали ничего, кроме холодного отвращения. Они были солдатами, а не няньками. Новобранцы же из их отряда, те самые, что еще утром с восторгом смотрели на Варга, теперь выглядели растерянными. Они видели результат своей «славы». И он пах не лаврами, а дизентерией и голодом.

У одной из полуразрушенных арок стояла Лира. На ней не было ее обычного лабораторного халата, только простая походная одежда, заляпанная глиной. Она держала в руках глиняную миску с какой-то бурдой и с яростной, почти отчаянной энергией пыталась накормить старика, который, казалось, уже не понимал, где он и что происходит. Увидев Варга, она резко выпрямилась.

– Ну вот и наши герои вернулись, – ее голос звенел от усталости и скрытой ярости. – Надеюсь, уничтожение того обоза стоило того, чтобы обречь на голодную смерть еще три сотни человек.

Варг остановился перед ней, его массивная фигура заслонила свет от чадящего неподалеку факела.

– Мы лишили Малкаора алхимического огня и баллист. Мы убили его солдат. Это наша война, алхимик.

– Наша война? – Лира засмеялась, и в ее смехе не было ничего веселого. – Посмотри вокруг, Варг! Твоя война теперь имеет лицо. Десятки, сотни лиц. Они пришли к тебе, потому что верят в тебя. И ты не можешь их просто проигнорировать.

– Мы не можем их прокормить! – рявкнул Варг, и несколько ближайших беженцев испуганно отпрянули. – Мы не можем их защитить! Если сюда нагрянут настоящие силы Империи, это будет не битва, а бойня! Они – якорь, который утянет нас на дно!

Из тени за аркой вышел Каэлан. Он выглядел изможденным. Темные круги под глазами казались фиолетовыми пятнами на бледной коже. Но его голос, когда он заговорил, был тихим и твердым.

– Они не якорь, Варг. Они – причина, по которой мы сражаемся.

– Мы сражаемся, чтобы выжить! Чтобы отомстить! – Варг ткнул пальцем в сторону, где, как он знал, лежали земли, поглощенные Багровым Туманом. – Мы сражаемся за души наших братьев, застрявшие в этой… этой твари! А не за этих… этих крестьян!

– Эти «крестьяне» – это народ, которому мы когда-то клялись служить, – сказал Каэлан. – Призрачный Клинок был создан, чтобы защищать. Не для того, чтобы выживать, прячась в горах. Мы пали, когда забыли эту клятву. Мы не поднимемся вновь, если повторим ту же ошибку.

Между ними повисло тяжелое молчание, нарушаемое лишь плачем ребенка и шумом дождя. Лира смотрела на Каэлана с одобрением, но и с тревогой. Элиан стоял неподвижно, его взгляд был устремлен вглубь лагеря, как будто он видел не просто толпу, а переплетение их судеб, страхов и надежд.

– И что ты предлагаешь? – наконец спросил Варг, и его голос потерял свойственный ему напор, в нем звучала лишь усталая покорность. – Раздать всем по ложке похлебки и спеть колыбельную? У нас нет еды, Каэлан. Нет лекарств. Нет порядка.

– Порядок мы наведем, – Каэлан перевел взгляд на Лиру. – Лира, ты и твои помощники займетесь больными. Разберитесь, у кого просто истощение, а у кого заразная болезнь. Элиан… поговори с ними. Успокой. Дай им понять, что они в безопасности. Насколько это возможно.

«Они не в безопасности»,– мысленно парировал Элиан, но кивнул. Его дар утешения был сейчас важнее любого меча.

– А ты? – спросил Варг, глядя на Каэлана.

– Я займусь самой большой проблемой, – Каэлан повернулся и пошел прочь, по направлению к тому месту, где толпа была самой густой и самой беспокойной.

Варг смотрел ему вслед, чувствуя, как знакомое раздражение поднимается в нем комом. Он был воином. Он понимал язык стали и крови. Но этот язык был бесполезен здесь, в этом хаосе человеческих страданий. Он видел, как Каэлан подошел к группе мужчин, которые о чем-то горячо спорили. Они были оборваны, но в их глазах горел огонь. Не отчаяния, а гнева. Каэлан что-то сказал им, и один из них, самый рослый, с шрамом через глаз, резко повернулся к нему.

– Слова! – проревел мужчина. – От слов сыт не будешь, Полководец! Империя сожгла нашу деревню! Они убили наших жен и детей! Мы пришли сюда не для того, чтобы сидеть сложа руки и ждать милостыни! Мы пришли сражаться! Дай нам оружие!

Каэлан не отступил. Он стоял перед этим человеком, его прямая, но не такая массивная, как у Варга, фигура казалась неожиданно устойчивой.

– Оружие у меня есть, – сказал Каэлан так, что его было слышно даже сквозь гул толпы. – Но меч без руки, что умеет им владеть, – всего лишь кусок железа. Ты хочешь мстить? Хочешь сражаться? Я научу тебя. Но сначала ты научишься подчиняться. Сначала ты научишься держать строй. Потому что мы – Легион. И мы выстоим только вместе.

Что-то в его тоне, в его взгляде заставило мужчину с шрамом отступить на шаг. Гнев в его глазах не угас, но смешался с неуверенностью, с проблеском чего-то нового – дисциплины.

Варг наблюдал за этим, и его собственное негодование понемногу начало уступать место чему-то другому. Он видел, как Каэлан, этот сломленный, измученный человек, в одиночку пытался усмирить бурю, которую они сами и вызвали своей славой. Он видел, как слава, это хрупкое и опасное пламя, оборачивалась своей изнанкой – тяжелой, неблагодарной ответственностью. Они хотели быть искрой, что разожжет пожар сопротивления. Но теперь они сами рисковали сгореть в этом пожаре.

Он повернулся и пошел прочь, к тому месту, где расположились его ветераны. Им нужен был отдых, перевязка ран, чистка оружия. Здесь, в этом море человеческих страданий, они были его единственной опорой, его единственной уверенностью в том, что завтра они смогут снова поднять свои клинки. Но теперь он понимал, что эти клинки должны были защищать не только их самих. Цена славы оказалась куда выше, чем он предполагал. И расплачиваться пришлось не только кровью врагов.

Вечер наступил ранний, сырой и беспросветный. Дождь, ненадолго стихший днем, принялся за свое с новой силой, превращая лагерь в сплошное месиво из грязи, человеческого горя и отчаянных попыток выжить. Воздух, густой от влаги и дыма тысяч чадящих, плохо разожженных костров, больше не передавал запахов по отдельности – он был одним сплошным, тяжелым и горьким амбре, въедавшимся в одежду, в волосы, в легкие. Но странным образом, по мере того как свет окончательно покидал небо, уступая его бархатной, беззвездной тьме, в самом центре лагеря начало происходить нечто, напоминающее чудо.

Это началось с тишины. Не с абсолютной, конечно – плач детей, хриплый кашель стариков, перебранки из-за места у огня никуда не делись. Но общий, оглушительный гул, стояв-

ший над долиной весь день, стал понемногу стихать, уступая место чему-то иному – напряженному, почти звенящему ожиданию. Люди – сначала по одному, потом небольшими группами – начали стекаться к самому сердцу лагеря, к тем самым полуразрушенным аркам древнего святилища. Они шли медленно, устало волоча ноги по грязи, их лица, освещенные дрожащим светом факелов, вбитых в землю по периметру, были бледными и испуганными масками. Но в их глазах, помимо усталости и страха, теплилась искра – крошечная, едва живая, но упрямая искра надежды.

Варг наблюдал за этим с самого края площади, прислонившись спиной к холодному, шершавому камню одной из арок. Его раны, неглубокие, но многочисленные, ныли и саднели. Он чувствовал запах гари и крови, все еще исходивший от него, и этот запах был куда понятнее и честнее, чем эта тихая, почти религиозная процессия. Он видел, как Каэлан стоит у входа в руины, его поза выдает крайнюю степень истощения, но он держится прямо, отвечая кивком на почтительные поклоны проходящих мимо людей. «Они делают из него святого», – с отвращением подумал Варг. – «Из человека, который ведет их на убой. Глупцы».

И тогда он появился. Элиан. Молчаливый Брат вышел из тени руин и встал на невысокий, плоский камень, который, должно быть, когда-то служил алтарем или жертвенником. Он не был одет в свои обычные, строгие монашеские мантии. На нем был простой, темный плащ, такой же мокрый и грязный, как у всех остальных. Его лицо, обычно непроницаемое, в свете факелов казалось высеченным из бледного мрамора – резкие скулы, глубоко посаженные глаза, в которых отражались прыгающие огоньки. Он не поднял рук, не сделал никакого театрального жеста. Он просто стоял, и его молчаливое присутствие было мощнее любого призыва.

Тишина стала почти абсолютной. Слышен был лишь шелест дождя по листьям да потрескивание факелов. Сотни пар глаз были прикованы к этой одинокой, неподвижной фигуре. И тогда Элиан закрыл глаза.

Это не был шепот. И не голос в привычном понимании. Это было нечто, возникавшее не в ушах, а прямо в сознании, в самой глубине души, там, где таятся самые потаенные страхи и самые сокровенные мечты. Это был тихий, чистый поток, лишенный тембра и интонации, но невероятно ясный и пронзительный.

«Вы боитесь».

Эти два слова прозвучали в голове у каждого, кто стоял на площади, с такой силой, что многие невольно вздрогнули. Это был не упрек. Это была констатация. Простая и безжалостная, как удар камня о камень.

«Вы боитесь темноты за пределами огня. Боитесь шагов в ночи. Боитесь голода, который скручивает ваши желудки узлом. Боитесь за детей, чьи лица стали такими худыми. Вы боитесь, что завтра будет хуже, чем сегодня. И вы правы. Бояться – это нормально. Это значит, что вы еще живы».

Варг почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Он ненавидел эту магию, это вторжение в чужие мысли. Но даже он не мог отрицать ее мощь. Он видел, как люди вокруг кивали, как на их лицах появлялось выражение не просто понимания, а признания. Да, они боялись. И кто-то наконец сказал это вслух, без осуждения.

«Но ваш страх – не единственное, что в вас есть. Я вижу не только его. Я вижу руки, что держатся за другие руки, давая опору. Я вижу миску с похлебкой, которую передают тому, кто слабее. Я слышу колыбельную, которую мать поет своему ребенку, хотя у нее самой нет сил даже плакать. Это не страх. Как это назвать?»

Элиан сделал паузу, и в этой паузе каждый искал ответ в себе.

«Это упрямство. Упрямство жизни, которая отказывается гаснуть. Это злость. Тихая, холодная злость на тех, кто отнял у вас дома, урожай, покой. Это память. Память о запахе свежеиспеченного хлеба, о тепле очага, о смехе любимого человека. Все это – тоже вы. И все это – сильнее страха».

Он открыл глаза, и его взгляд, казалось, встретился с каждым отдельным человеком в толпе.

«Нас называют Падшим Легионом. И это правда. Мы пали. Мы были преданы, разбиты, прокляты. Нас хотели стереть из памяти мира, как стирают ошибку с пергамента. Но мы здесь. Мы поднялись. Не как герои из старых баллад. Мы поднялись из грязи и пепла, сломанные, но не сломленные. Мы поднялись не для славы. Мы поднялись, потому что сдаваться – значит умирать, а мы еще не мертвы. И вы… вы тоже поднялись. Вы пришли сюда, через страх, через боль. Вы сделали выбор – не просто выживать, а искать защиты. Искать правды. Искать мести. Это ваш первый шаг. Так же, как когда-то наш».

Варг, слушая это, чувствовал странное смятение. В словах Элиана не было лжи. Не было слащавого утешения. Была суровая, неприкрытая правда. Правда о падении и о том, что следует после него. Он смотрел на лица людей и видел, как они меняются. Страх никуда не делся, но к нему добавилось нечто иное – твердость. Решимость. Они больше не были просто беженцами, жертвами обстоятельств. Элиан своими «словами» дал им идентичность. Они были такими же, как Легион. Упавшими, но поднявшимися.

«Мы не дадим вам ложных обещаний. Мы не скажем, что завтра будет легко. Мы не скажем, что все вы выживете. Еда закончится. Придут болезни. Придут солдаты Империи. Будет больно. Будут потери. Но пока мы стоим вместе – вы, и мы – у наших врагов есть причина бояться. Пока мы дышим, мы боремся. Пока мы боремся, мы надеемся. А пока мы надеемся – мы непобедимы».

Элиан снова замолк. Он стоял на своем камне, такой же мокрый и уставший, как все они, но в его позе была необъяснимая сила. Сила не магии, а веры. Не в богов, а в людей.

Тишина, последовавшая за его словами, была иной. Не пустой и тягостной, а наполненной. Глубокой и значимой. Потом кто-то в толпе, женщина с ребенком на руках, тихо, почти неслышно сказала: «Мы с вами». Эти слова подхватил другой, потом третий. И скоро над площадью стоял не громкий, не воинственный, но невероятно мощный, низкий гул сотен голосов, слившихся в одном простом заявлении: «Мы с вами».

Варг оттолкнулся от стены. Ему нужно было уйти. Ему нужно было пространство, чтобы дышать. Он пробирался через толпу, и люди расступались перед ним, но теперь их взгляды были не испуганными и не подобострастными. В них было уважение. Признание. Они видели в нем не просто громилу с топором, а часть того целого, что давало им силу.

Он дошел до своего укрытия – небольшой пещеры в скале за руинами, где он хранил свои немногочисленные пожитки. Он сел на грубую каменную плиту, положил топор рядом и провел рукой по лицу. Он все еще чувствовал эхо того безмолвного голоса в своей голове. Элиан был прав. Они все боялись. И он, Варг, который не боялся ни железа, ни крови, ни смерти, боялся этого. Этой ответственности. Этой надежды, которую они теперь несли на своих плечах.

Он вышел обратно и снова посмотрел на площадь. Люди не расходились. Они стояли небольшими группами, тихо разговаривали. Кто-то делился скудной едой. Кто-то помогал старику найти место под навесом. Плач детей почти стих. Хаос и отчаяние никуда не исчезли, но теперь они были скреплены невидимым каркасом чего-то нового. Общей цели. Общей судьбы.

Элиан сошел с камня и растворился в тени, его работа была сделана. Каэлан все еще стоял на своем посту, и теперь Варг видел его немного иначе. Он был не просто их лидером. Он был символом. Таким же, как эти руины. Разрушенным, но все еще стоящим. И Варг понимал, что его собственная ярость, его прагматизм – это всего лишь часть того, что требовалось, чтобы удержать это хрупкое сооружение от окончательного падения. Они разожгли Пламя Сопротивления. И теперь им приходилось постоянно подбрасывать в него хворост, чтобы оно не погасло, поглотив их самих. Цена славы оказалась не просто в еде и крове. Цена была в душах. И Элиан только что напомнил им всем, что души – это единственное, что у них пока осталось.

Утро не принесло облегчения. Дождь наконец прекратился, уступив место тяжелому, влажному туману, что цепко держался за землю, закутывая лагерь в саван из серой ваты. Воздух был неподвижен и густ, в нем витал все тот же запах – теперь к грязи, дыму и немытым телам добавился новый, отвратительно-сладковатый запах гниющего мяса. Варг, выйдя из своей пещеры, тут же его уловил. Он знал этот запах. Это была вонь невывезенных трупов, оставшихся гнить в дальних уголках лагеря, куда не доходили ни руки, ни совесть новоявленных управителей этого человеческого муравейника.

Он направлялся к яме, выкопанной наспех у восточного склона, где накануне вечером были сброшены тела погибших из его отряда – того самого, что атаковал обоз. Их было всего двое, но для Варга это были не просто потери. Это были свои. Орик, тот самый, что подвернул ногу, умер от заражения крови. Рана была пустяковой, но грязь, отсутствие должных снадобий и общая истощенность сделали свое дело. Второй, молодой парень из ополчения по имени Эрвин, скончался ночью от потери крови – штыковая рана в бедре оказалась глубже, чем показалось сначала.

Варг стоял над свежезасыпанной землей, сжав кулаки. Грязь на могиле была влажной и липкой, как тесто. Он не произносил речей. Он просто стоял и смотрел, чувствуя, как холодная ярость закипает в нем, поднимаясь от желудка к горлу. Они умерли не в честном бою. Они умерли от грязи и беспорядка. От той самой «цены славы», что теперь окружала их со всех сторон.

Именно здесь его и нашел Каэлан. Полководец выглядел еще более изможденным, чем вчера. Казалось, он не сомкнул глаз всю ночь. Его плащ был в свежих пятнах глины, а под глазами залегли глубокие, черные тени.

– Варг, – начал он тихо, подходя. – Мне жаль Орика. Он был хорошим солдатом.

Варг медленно повернулся к нему. Его глаза, похожие на две щели в граните, были полы холодным огнем.

– Хорошие солдаты умирают на поле боя, Каэлан. От клинка врага. А не сгнивают заживо в грязи, как падаль, потому что у нас нет даже чистой воды и базарного знахаря!

– Я знаю, – Каэлан вздохнул, проводя рукой по лицу. – Лира делает все, что может. Но у нее нет ни трав, ни инструментов. У нас заканчивается все. Еда, лекарства, дрова…

– И чья это вина? – голос Варга прозвучал резко, как удар кнута. – Кто позволил этому стаду овец затопить наш лагерь? Мы были мобильным отрядом! Ударным кулаком! А теперь мы… что мы? Приют для нищих? Мы не можем даже нормально похоронить своих!

– Это не стадо, Варг! Это люди! – в голосе Каэлана впервые прозвучали нотки раздражения. – И они наша единственная надежда на выживание в долгосрочной перспективе. Без их поддержки, без их помощи…

– Какой поддержки? – Варг фыркнул и широким жестом указал на лагерь, тонувший в тумане. – Ты видел этих «помощников»? Они жрут нашу еду, занимают наше место, разносят заразу! Они – обуза! И ты хочешь, чтобы я и мои люди проливали кровь, чтобы защищать этот… этот сумасшедший дом?

– Да! – Каэлан шагнул вперед, и в его обычно спокойных глазах вспыхнул огонь. – Потому что именно так мы и отличаемся от Малкаора! Мы не используем людей, как расходный материал! Мы их защищаем! Или ты забыл, ради чего был создан Призрачный Клинок?

– Призрачный Клинок был создан, чтобы побеждать! – рявкнул Варг в ответ, и его голос прокатился по склону, заставляя нескольких ближайших беженцев испуганно отпрянуть. – А побеждают сильные, Каэлан! Не толпы голодных ртов! Мы должны быть сталью, а не соломой! Пока мы тут развозим похлебку и поем колыбельные, Малкаор копит силы! Он уже не просто защищается! Алхимики поставляют ему оружие! Этот Туман… он растет! А мы что делаем? Строим из себя благодетелей!

– Мы строим основу, Варг! – настаивал Каэлан. – Мы не выиграем эту войну, уничтожив один обоз за другим. Мы выиграем ее, только если у нас будет тыл! Если у нас будет народ, который верит в нас! Который будет снабжать нас, который будет прятать нас, который будет сражаться за нас!

– Они не будут сражаться! – Варг ткнул пальцем в сторону лагеря. – Они будут прятаться за нашими спинами! Они будут плакать и просить еды! А когда придут солдаты Империи, они разбегутся, как тараканы! И мы останемся одни. Опять. Как в тот день у Реквиемского моста.

Последние слова повисли в воздухе, тяжелые и ядовитые, как удар ниже пояса. Каэлан побледнел. Реквиемский мост. Место, где старый Легион принял свой последний бой. Место предательства.

– Это не тот день, – тихо, но с железом в голосе сказал Каэлан. – И я не тот командир.

– Нет? – Варг усмехнулся, и в его усмешке не было ничего веселого. – А по-моему, очень даже похоже. Тогда нас тоже окружили. Тоже предали. И тогдашний командующий тоже пытался договориться, найти честный путь. Чем это кончилось, мы оба помним.

Он сделал шаг к Каэлану, и теперь они стояли нос к носу, два полюса одного и того же проклятого братства.

– Я не позволю тебе повести нас в ту же пропасть, Каэлан. Мои люди не умрут ради твоих иллюзий. Если ты не можешь принять тяжелые решения, тогда уйди с пути и позволь тому, кто может, взять на себя ответственность.

– Ответственность? – Каэлан не отступил ни на дюйм. Его голос стал тише, но от этого только опаснее. – Ответственность – это не в том, чтобы быть палачом для слабых, Варг. Это в том, чтобы найти способ спасти как можно больше. Да, это грязно. Да, это тяжело. Но это наш долг.

– Долг? – Варг покачал головой, и в его глазах читалось что-то похожее на жалость. – У меня один долг. Перед теми, кто доверил мне свою жизнь. Перед Ориком, который лежит в этой грязной яме. Перед всеми, чьи имена вырезаны на стелах у Реквиемского моста. Мой долг – отомстить. И если для этого нужно пройти по трупам, я пройду. С тобой или без тебя.

Он резко развернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь, в сторону, где его ветераны, хмурые и молчаливые, чистили оружие и смотрели на него ожидающе. Они слышали спор. Они понимали.

Каэлан остался стоять у могилы. Он смотрел на спину уходящего Варга, и в его груди бушевало противоречие. Ярость от его слов смешивалась с леденящим душу осознанием – а что, если Варг прав? Что если его прагматизм, его готовность идти по головам, и есть единственный путь к выживанию? Мягкость, которую он пытался культивировать, не была ли она просто слабостью, маской для его собственной нерешительности?

Он опустил голову и посмотрел на свежую могилу. Два человека. Всего два. Но он знал – если они продолжат идти путем Варга, могил станет больше. А если пойдут его путем… может статься, могилой станет весь лагерь.

Первая трещина прошла не между ними. Она прошла через самое сердце их сопротивления. И Каэлан с ужасом понимал, что эта трещина будет только расти, пока однажды не расколет Легион надвое.

Туман медленно отступал перед слабым, водянистым солнцем, превращаясь в жемчужную дымку, что цеплялась за верхушки елей и стелилась по склонам холмов. Лагерь просыпался, и вместе с ним просыпались все его проблемы. Стон больных из импровизированного лазарета, устроенного Лирой под огромным навесом из брезента, натянутого между двумя арками. Приглушенный плач детей. Резкие, уставшие окрики тех, кто пытался навести хоть какой-то порядок в хаотичном море палаток и шалашей. И над всем этим – всепроникающий, тошнотворный запах гнили и отчаяния.

Каэлан стоял на своем обычном посту у входа в руины, наблюдая за этим муравейником. Его тело требовало сна, разум – покоя, но ни того, ни другого он позволить себе не мог. Спор с Варгом висел в воздухе тяжелым, невысказанным облаком. Он видел, как ветераны Варга, собравшись у своего конца лагеря, смотрели на суетящихся беженцев с откровенным презрением. Он видел, как новоиспеченные ополченцы, те самые, что вчера клялись в верности, теперь робко поглядывали в сторону Варга, в чьей прямолинейной жестокости была своя, пугающая привлекательность. Раскол был уже не потенциальной угрозой. Он стал фактом, таким же осязаемым, как грязь под ногами.

Именно в этот момент из леса, окутанного остатками тумана, появились двое. Они двигались не так, как беженцы – не устало волоча ноги, а быстро и осторожно, используя каждую складку местности, каждое укрытие. Это были лазутчики. Лис и Сова, как их звали в отряде. Брат и сестра, выросшие в этих лесах и знавшие каждую тропинку. Они были грязны, исхудалы и смертельно усталы, но в их глазах горел огонек, который Каэлан не видел уже давно. Огонек не просто удачно выполненного задания, а настоящей, живой надежды.

Их сразу же проводили к Каэлану. Лира, почуяв нечто важное, оторвалась от своих больных и присоединилась к ним, вытирая руки окровавленной тряпкой. Варг, заметив движение, неспешно направился к группе, его лицо не выражало ничего, кроме скептицизма.

– Полководец, – начал Лис, младший из двоих, его голос срывался от волнения. – Мы были на Ржавых Болотах. У самой кромки Тумана.

– Что нового от Малкаора? – глухо спросил Варг, скрестив руки на груди. – Он прислал нам приглашение на чай?

– Не от Малкаора, – вступила Сова. Ее голос был тише, но тверже. Она вытащила из-за пазухи сверток, завернутый в промасленную кожу, и протянула Каэлану. – Мы наткнулись на лагерь. Но не имперский. И не бандитов.

Каэлан развернул сверток. Внутри лежало несколько странных предметов. Обломок стержня из тусклого, почти черного металла, испещренного мелкими, словно выжженными, рунами. Несколько засушенных растений, которые Лира тут же узнала – «Кровавый зуб» и «Призрачный мох», редкие и крайне ядовитые алхимические компоненты, растущие только в зонах сильного магического загрязнения. И клочок пергамента с схематичным чертежом, на котором было изображено нечто, напоминающее огромный насос или кузнечные мехи, соединенные трубами с символическим изображением Багрового Тумана.

Лира выхватила пергамент из рук Каэлана, ее усталость будто испарилась.

– Боги… – прошептала она, вглядываясь в чертеж. – Смотрите. Они не просто изучают Туман. Они его… канализируют. Закачивают. Это схема конденсатора. Очень сложного.

– Кто «они»? – потребовал ответа Каэлан, его взгляд перешел с Лиса на Сову.

– Они называют себя Алхимическим Консорциумом, – сказал Лис. – Мы подобрались близко, подслушали. Они… торговцы, Полководец. Но торгуют они не зерном или тканями. Они торгуют самой Слизью Тумана. Сдают его внаем.

Варг фыркнул. – Внаем? Кому? Сумасшедшим?

– Всем, у кого есть золото, – ответила Сова. – Мы видели, как один из их обозов отправился на север. В сторону владений барона Крелла. Тот, что воюет с соседом за железные рудники. Им движут не солдаты, а… машины. Паровые повозки, но без дров и угля. Из их труб шел не дым, а тот самый Туман. Только бледный, как будто разбавленный.

Лира подняла на Каэлана взгляд, полный ужаса и озарения.

– Это объясняет… все. Эти слухи о новых видах оружия у мелких тиранов. О том, что почва на некоторых полях чернеет и перестает родить. Они не просто используют Туман. Они его распыляют. Делают из него товар. Оружие массового поражения, которое можно купить за мешок золота.

– Но… как? – Каэлан смотрел на обломок стержня. – Туман… он разъедает все живое. Как они могут его контролировать?

– Они не контролируют его, – Лира ткнула пальцем в руны на металле. – Смотри. Это не руны управления. Это руны сдерживания. Как на тюремной решетке. Они не командуют Слизью. Они ее заключают в бутылку и продают бутылку тому, кто хочет выплеснуть ее на головы врагов. Они не владеют огнем. Они торгуют зажженными факелами в пороховом погребе.

– И где их главная база? – спросил Варг, и в его голосе впервые зазвучал не скептицизм, а интерес. Обычный, понятный враг был ему куда ближе, чем метафизическая угроза.

– Мы не смогли выяснить, – покачал головой Лис. – Их лагерь на Болотах – лишь передовой пост. Но мы слышали разговоры о «Главном Слиянии». О месте, где они не просто качают Туман, а… очищают его. Делают концентрированным. И у них там проблемы. Один из алхимиков, старый, с безумными глазами, кричал о «шуме в Сигнале». О том, что «Источник стал нестабильным».

Слово «Источник» повисло в воздухе, словно удар грома. Все замерли. Даже Варг выпрямился.

– Источник? – тихо переспросил Каэлан. – Тот самый, что создал Малкаор?

– Возможно, – Лира сжала в руке обломок стержня так, что костяшки ее пальцев побелели. – Если Консорциум научился подключаться к силе Источника… или если сам Источник является генератором всей этой энергии… тогда они знают о нем больше нас. Возможно, они даже знают, где он находится.

Мысль была одновременно пугающей и ослепительной. Все это время они искали ключ к разгадке Тумана в древних текстах, в легендах, в памяти призраков. А ответ, возможно, лежал не в прошлом, а в настоящем. Его держали в руках алхимики-авантюристы, видевшие в апокалипсисе лишь новую бизнес-модель.

– Это меняет все, – прошептал Каэлан.

– Да, – хрипло сказал Варг. – Теперь у нас есть цель, которую можно атаковать. Не призрачную идею, а конкретного врага с складами, машинами и золотом. Врага, которого можно раздавить.

– Нет, – резко возразила Лира. – Не атаковать. Проникнуть. Узнать. Они могут обладать знаниями, которые нам жизненно необходимы! Если они нашли способ хоть как-то взаимодействовать с Туманом, даже таким ужасным способом, это уже прорыв! Мы должны поговорить с ними.

– Поговорить? – Варг усмехнулся. – Ты хочешь поговорить с людьми, которые разливают проклятие по бутылкам и продают его как оружие? Они не ученые, алхимик. Они торговцы смертью. Единственный язык, который они понимают – это язык силы.

– А единственный язык, который понимаешь ты – это язык топора! – вспылила Лира. – Мы не можем уничтожить то, чего не понимаем! Мы должны сначала понять!

Каэлан слушал их, и в его голове складывался новый, страшный пазл. Алхимический Консорциум. Новый игрок на поле боя, абсолютно аморальный и обладающий технологиями, которые могли либо уничтожить их, либо дать им ключ к победе. Они были угрозой. Но и возможностью.

– Лазутчики, – обратился он к Лису и Сове. – Вы хорошо сделали свое дело. Идите, отдохните. Вам положена двойная порция.

Когда те ушли,он повернулся к Варгу и Лире.

– Вы оба правы. И вы оба неправы. Мы не можем игнорировать Консорциум. Но мы не можем и атаковать его вслепую. Нам нужно знать больше. Их силу. Их слабости. Их истинные цели.

Он посмотрел на Варга.

– Твоя ярость – наш меч. Но он должен быть направлен туда, где принесет максимальный эффект. Не слепо.

Потом его взгляд упал на Лиру.

– Твое любопытство – наш свет. Но он не должен ослеплять нас к опасности.

Он сделал паузу, глядя на вещи, принесенные лазутчиками.

– Мы отправим к ним посольство. Маленькую группу. Не для атаки. Для разведки. Мы должны узнать, что они знают об Источнике. И можем ли мы использовать их знания… или мы должны уничтожить их, пока не стало слишком поздно.

Весть от союзников, если этих алхимиков можно было так назвать, принесла не ответы, а новые, еще более сложные вопросы. Но она же принесла и нечто иное – направление. Тень пути в кромешной тьме. И Каэлан понимал, что теперь им предстоит пройти по лезвию бритвы, балансируя между жаждой знаний и необходимостью выживания.

Ночь опустилась на лагерь, черная и беззвездная, словно бархатный саван, наброшенный на мир. Туман окончательно рассеялся, но его сменила иная, не менее гнетущая тьма. Костры, усеивавшие долину, были похожи на крошечные, одинокие островки света в безбрежном океане чернильной мглы. Шум лагеря постепенно стихал, переходя в тяжелое, прерывистое дыхание тысяч спящих, смешанное с плачем младенцев, стонами больных и настороженным шепотом дозорных. Воздух остыл, и холодная сырость пробиралась под одежду, заставляя людей прижиматься друг к другу в поисках скудного тепла.

Каэлан сидел один в самой глубине древних руин, в том, что когда-то, возможно, было внутренним святилищем. Здесь не было ни факелов, ни костра. Только слабый лунный свет, пробивавшийся сквозь разлом в каменном своде, ложился призрачным сиянием на грубо отесанный каменный блок, служивший ему и столом, и ложем. Перед ним лежали принесенные лазутчиками артефакты: обломок рунического стержня, ядовитые травы и тот самый зловещий чертеж. Но он уже не видел их. Его сознание уплывало, увлекаемое иным, куда более мощным магнитом.

Призрачный Клинок лежал у него на коленях. Он не был похож ни на одно другое оружие в этом мире. Его клинок был выкован не из стали, а из чего-то, что напоминало застывший дым, пронизанный мерцающими, как светлячки в тумане, прожилками. Эфес, обтянутый кожей неведомого существа, был холодным, как лед, но при этом пульсировал с едва уловимой, тревожной вибрацией. И эта вибрация нарастала.

Сначала это был просто фоновый гул, похожий на отдаленный шум водопада. Каэлан привык к нему. Это был звук тысячи душ, запертых в клинке, их коллективное, вечное страдание. Но сегодня вечером что-то изменилось. Гул становился громче, настойчивее. Он превращался в навязчивый, монотонный звон, который отдавался не в ушах, а прямо в костях черепа. И вместе со звоном пришло иное ощущение – тяга. Словно невидимая, прочная нить, привязанная к эфесу, натягивалась, уходя куда-то на юго-запад, туда, где, как он знал, клубился и пульсировал эпицентр Багрового Тумана.

Он попытался отогнать это чувство, сосредоточившись на проблеме алхимиков. Но стоило ему мысленно произнести слово «Консорциум», как клинок словно вздрогнул у него на коленях. Мерцающие прожилки вспыхнули ярче, и в его сознании возник образ – не картинка, а скорее, ощущение. Вкус меди и пепла на языке. Запах озона и распада. И чувство… жадного, ненасытного любопытства. Не его собственного. Клинка. Он *интересовался* алхимиками. Он чувствовал их манипуляции с Туманом, и это его волновало.

«Успокойся», – мысленно приказал Каэлан, сжимая рукоять так, что суставы пальцев побелели. Но клинок не унимался. Тяга становилась физической, почти осязаемой. Ощущение, будто его внутренности медленно вытягивают через пупок, заворачивают в клубок и тащат в сторону Тумана. Он почувствовал легкое головокружение, и мир вокруг поплыл.

«СЕРДЦЕ…»

Слово родилось не в его голове. Оно пришло извне, просочилось сквозь барьеры сознания, тяжелое, как свинец, и холодное, как могила. Голос был множественным, скрипучим, словно сотни мертвых глоток пытались прошептать одно слово хором.

Каэлан вскочил, отшвырнув клинок от себя. Оружие с глухим стуком упало на каменный пол, и его мерцание на мгновение погасло. Головокружение отступило, сменившись тошнотворной пустотой. Он тяжело дышал, опершись руками о каменный блок. Пот стекал с его висков, хотя в святилище было холодно.

Он знал, что это было. Это не было новым явлением. С тех пор как он вновь обрел клинок, их связь углублялась. Сначала он просто чувствовал присутствие призраков. Потом начал слышать их шепот. Теперь… теперь клинок начинал диктовать ему свою волю. Он не просто был инструментом. Он был существом. Голодным существом. И его пищей была сама сущность Багрового Тумана.

«Он жаждет», – с ужасом подумал Каэлан, глядя на темный силуэт клинка на полу. – «Он хочет вернуться к Источнику. К Сердцу Бури».

Он вспомнил слова Лиры, сказанные еще в первой книге, когда она только начала изучать клинок: «Он не просто содержит души, Каэлан. Он связан с тем местом, откуда эти души были вырваны. Он – нить, ведущая обратно в лабиринт».

И теперь, когда алхимики возились с Туманом, когда они каким-то образом тревожили его, будили, клинок отзывался. Как акула на каплю крови в воде.

Каэлан медленно подошел, поднял оружие. Холодная рукоять снова легла в его ладонь, и тут же знакомый гул вернулся, но теперь в нем слышались новые ноты – нетерпение, беспокойство. Он чувствовал, как по его собственной нервной системе пробегают разряды этой тревоги. Его сердцебиение участилось, в висках застучало.

Он вышел из святилища на открытое пространство перед руинами. Ночной воздух не принес облегчения. Он стоял, глядя на юго-запад, туда, где горизонт был отмечен зловещим, едва видимым с этого расстояния багровым заревом. Это был Туман. И клинок в его руке тянулся к нему, словно цветок к солнцу. Только это был цветок, выросший на костях его товарищей.

Он думал о предстоящей миссии к алхимикам. О том, что Варг считал это слабостью. Но теперь Каэлан понимал, что у него нет выбора. Он не мог игнорировать Консорциум, потому что его собственное оружие, его главный козырь и его вечное проклятие, требовало этого. Клинок жаждал прикоснуться к тому, что создали алхимики. Понять это. Поглотить?

Внезапно, острое, режущее чувство пронзило его лоб, словно раскаленная игла вошла прямо в центр мозга. Он застонал, едва не выпустив клинок из рук. Перед его глазами проплыло видение. Не смутное ощущение, а четкий, почти реальный образ.

Он увидел помещение, похожее на гигантскую лабораторию. Медные трубы, оплетающие стены, как лианы. Стеклянные колбы, в которых клубилась багровая слизь. И в центре – огромный, пульсирующий, как сердце, кристалл, испещренный теми же рунами, что и обломок стержня. Вокруг него суетились фигуры в золотых масках и защитных одеждах. И он почувствовал это. Исходящую от кристалла силу. Ту самую силу, что взывала к клинку.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив после себя лишь головную боль и абсолютную, леденящую уверенность. Алхимики не просто качали Туман с поверхности. Они подключились к чему-то. К какому-то узлу. К усилителю. Возможно… к самому Источнику.

Каэлан опустился на колени, судорожно глотая воздух. Клинок в его руке теперь горел ледяным огнем, и его тяга стала невыносимой. Он больше не был просто лидером сопротивления, пытающимся спасти свой народ. Он был рабом. Рабом оружия, которое могло даровать ему силу, но ценой его рассудка и, возможно, самой души.

Он поднял голову и снова посмотрел на багровое зарево. Путь был ясен. Они должны были идти к алхимикам. Не только ради знаний. Не только ради спасения лагеря. Они должны были идти, потому что клинок жаждал. И если Каэлан не утолит эту жажду контролируемым образом, он рисковал тем, что клинок начнет утолять ее сам, увлекая их всех в самую гущу бури, из которой не было возврата.

Глава 2: Алхимики и союзники

Три дня. Три дня с момента возвращения лазутчиков, и лагерь жил в состоянии напряженного ожидания, словно перед грозой. Спор между Каэланом и Варгом не утихал, а лишь ушел вглубь, превратившись в подспудное брожение. Сторонники Варга – в основном ветераны – мрачнели с каждым часом, все более открыто выражая презрение к «цыплятам», как они окрестили беженцев. Люди Каэлана, напротив, пытались наладить хоть какой-то порядок, но их усилия тонули в трясине насущных проблем: нехватки еды, болезней и растущей паники.

Именно в этот момент, словно демон, вырвавшийся из самой преисподней, в лагере появился он.

Был полдень. Солнце, бледное и холодное, наконец-то выглянуло из-за туч, но его свет не согревал, а лишь подчеркивал убогость и грязь лагеря. Варг как раз проводил смотр своего отряда, проверяя оружие и отдавая лаконичные, резкие приказы. Внезапно на периметре, у восточного входа в долину, поднялась суматоха. Послышались крики, смешанные со страхом и угрозой.

Варг, не говоря ни слова, схватил топор и большими шагами направился к месту переполоха, его люди – словно стая волков – мгновенно последовали за ним, рассыпавшись в боевую цепь. То, что он увидел, заставило его на мгновение замереть.

Через главный проход в частоколе, медленной, почти небрежной походкой, шел человек. Вернее, существо в человеческом обличье. Оно было облачено в одежды из темного, отливающего металлическим блеском шелка, безупречно чистые и, казалось, отталкивающие саму грязь. В руке оно несло высокий посох из черного дерева, увенчанный хрустальной сферой, внутри которой медленно переливались багровые облачка. Но самое жуткое было на его лице – вернее, отсутствие лица. Его голову скрывала маска из полированного золота, идеально гладкая, без единой прорези для глаз или рта. Она отражала искаженные, испуганные лица беженцев, солнце и свинцовое небо, оставаясь при этом абсолютно непроницаемой и безжизненной.

Его окружало кольцо ополченцев Каэлана. Они держали копья наготове, но их руки дрожали. Посланник же, казалось, совершенно не обращал на них внимания. Его скрытый маской взгляд (если он вообще был) скользил по лагерю с холодным, аналитическим интересом, словно ученый рассматривал под микроскопом колонию бактерий.

– Остановись! – прогремел Варг, перекрывая гул толпы. Он вышел вперед, его массивный топор лежал на плече. – Назови себя!

Золотая маска медленно повернулась в его сторону. Ни звука не последовало. Но Варг почувствовал… давление. Не физическое, а ментальное. Тонкую, ядовитую иглу, пытающуюся проникнуть в его сознание. Он лишь ощерился в ответ, его собственная, грубая и необузданная воля выстроила мгновенный барьер.

– Я сказал, назови себя, маска! – повторил он, делая шаг вперед. Его люди сомкнули строй, их клинки блеснули на солнце.

И тогда посланник заговорил. Голос был негромким, ровным и абсолютно лишенным каких-либо эмоций. Он исходил не из-под маски, а, казалось, рождался в самом воздухе вокруг них, слегка вибрируя.

«Приветствие вам, о, Падший Легион. Я – Эмиссар Третьего Круга, слуга Алхимического Консорциума. Я пришел поговорить с тем, кто держит в руках Ключ».

«Ключ?» – пронеслось в голове Варга. Он тут же вспомнил клинок Каэлана.

В этот момент к группе подбежали Каэлан и Лира. Каэлан был бледен, но собран. Лира, увидев посланника и его посох, замерла с выражением смешанного ужаса и жадного любопытства на лице.

– Я – Каэлан. Говори, зачем ты пришел, эмиссар, – сказал Каэлан, его голос был тверд, но Варг уловил в нем напряжение.

Золотая маска повернулась к нему, и Варгу показалось, что сфера на посохе вспыхнула чуть ярче.

«Ваша репутация предшествует вам.Вы – те, кто научился… взаимодействовать с Флюксиром. Пусть и примитивными, варварскими методами. Консорциум всегда заинтересован в новых возможностях. Мы предлагаем вам… сотрудничество».

– Сотрудничество? – Каэлан подался вперед. – Вы имеете в виду торговлю? Вы продаете оружие Малкаору. Нашему врагу.

Эмиссар сделал легкий, безразличный жест рукой, не держащей посох.

«Консорциум не занимается мелкими склоками местных властителей.Мы торгуем потенциалом. Лорд Малкаор… был достаточно проницателен, чтобы увидеть потенциал Флюксира и предложить адекватную оплату. Если вы предложите нечто, представляющее для нас ценность, мы будем торговать и с вами».

– Черт бы тебя побрал! – взревел Варг, не в силах сдержаться. – Ты приходишь сюда, в наше убежище, и говоришь о торговле с теми, кто убивает наших людей?

Маска снова повернулась к Варгу. На сей раз давление ментальной атаки усилилось. Варг почувствовал, как по его вискам заструился пот, но он стоял непоколебимо, впиваясь взглядом в слепое золотое лицо.

«Эмоции – это неэффективное использование энергии, – прозвучал безразличный голос. – Мы предлагаем транзакцию. Вы обладаете уникальным… доступом. Ключом, что резонирует с Флюксиром на фундаментальном уровне. Мы обладаем технологиями, чтобы этот доступ стабилизировать, усилить и направить. Вместе мы можем достичь того, что по отдельности нам недоступно».

Лира, наконец, нашла свой голос.

– Что вы предлагаете конкретно? – спросила она, и Варг услышал в ее тоне ту самую жажду знаний, что всегда его раздражала.

«Ресурсы, – немедленно последовал ответ. – Продовольствие. Медикаменты. Высококачественное оружие и броню. Все, что требуется для содержания вашей… растущей общины. В обмен на возможность изучать Ключ и проводить ограниченные полевые испытания на нейтральной территории, у края Флюксира».

– Вы хотите получить в свои руки мой клинок? – тихо спросил Каэлан.

«Нет. Ключ бесполезен без Руки, что им владеет. Мы предлагаем партнерство. Вы предоставляете доступ и защиту во время наших исследований. Мы предоставляем вам средства для выживания и усиления. Симбиоз».

Варг не выдержал. Он шагнул к эмиссару, его тень накрыла блестящую фигуру.

– Убирайся, – прошипел он. – Убирайся, пока я не расколол твою золоченую башку и не посмотрел, есть ли что-то человеческое внутри.

Золотая маска смотрела на него, безмолвная и невозмутимая. Казалось, между ними проскочила искра чистой, неприкрытой ненависти. Затем эмиссар медленно повернулся к Каэлану.

«Подумайте, Носитель Ключа. Ваш нынешний путь ведет к истощению и гибели. Мы предлагаем иной путь. Путь силы. Мы даем вам время. Один цикл луны. После чего мы вернемся за ответом».

И, не дожидаясь реакции, эмиссар развернулся и тем же медленным, неспешным шагом пошел обратно к воротам. Ополченцы расступились перед ним, не в силах ослушаться его ледяного, безличного авторитета. Он вышел за частокол и растворился в лесу, словно призрак.

Наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Варга. Он повернулся к Каэлану, его лицо исказила гримаса ярости.

– Ты не можешь серьезно рассматривать это, Каэлан! Это ловушка! Очевидная, как день!

– Я ничего не рассматриваю, – устало ответил Каэлан, глядя туда, где исчез эмиссар. – Но мы должны думать. Они предлагают то, в чем мы отчаянно нуждаемся, Варг. Еду. Лекарства.

– В обмен на нашу душу! – крикнул Варг. – Они хотят получить твой клинок! Они хотят получить тебя! Ты станешь для них подопытным животным!

– А что наши альтернативы? – резко спросила Лира. – Смотреть, как люди умирают от голода и болезней? Продолжать наши бессмысленные атаки на обозы, пока Малкаор не соберет армию и не сотрет нас с лица земли?

– Да! – заорал Варг. – Лучше умереть стоя, чем ползать на коленях перед этими… этими масками!

– Это не только твое решение, Варг! – в голосе Каэлана впервые зазвучала сталь. – Я – лидер Легиона. И я не отдам наших людей на убой ради твоего упрямства!

Они стояли друг напротив друга, и пропасть между ними, та самая трещина, что наметилась у могилы Орика, теперь зияла, как настоящая расселина. Ветераны Варга и ополченцы Каэлана смотрели друг на друга с нарастающей враждебностью.

Эмиссар в золотой маске ушел, но он посеял свое семя. Семя раздора. И Варг с ужасом понимал, что предложение Консорциума было не просто коммерческим предложением. Это был мастерски брошенный камень, который должен был расколоть их изнутри. И он уже начинал свою разрушительную работу.

Прошло три дня с визита Эмиссара. Три дня, в течение которых лагерь жил не в ожидании ответа, а в состоянии открытой, кипящей вражды. Лагерь физически разделился. Ветераны Варга отгородили свой сектор у западного склона, создав подобие военного лагеря с четкими рядами палаток, костров и круглосуточными дозорами. Сектор Каэлана, центром которого оставались руины, превратился в хаотичный лазарет и столовую, где царили отчаяние и медленное угасание. Между двумя зонами возникла нейтральная полоса – грязное, пустое пространство, которое никто не решался пересекать без острой необходимости. Воздух был наэлектризован ненавистью и страхом.

Именно в этой обстановке Каэлан, против яростных протестов Варга, принял решение. Они не дадут окончательного ответа Консорциуму. Они отправят свою делегацию для переговоров. Не для того, чтобы соглашаться, а для того, чтобы выиграть время, оценить силы алхимиков и, возможно, выторговать хоть какую-то гуманитарную помощь для гибнущих людей.

Варг назвал это предательством. Он стоял на краю нейтральной полосы и смотрел, как небольшая группа собирается у восточных ворот. Каэлан, бледный, но решительный. Лира, с горящими глазами, с сумкой, набитой пустыми пробирками и пергаментами для записей. Элиан, чье безмолвное присутствие должно было служить защитой от ментального воздействия. И десяток самых надежных ополченцев.

– Ты ведешь их на бойню, Каэлан, – голос Варга был низким и хриплым, он не кричал, но его слова были слышны через все расстояние. – Ты отдаешь наших лучших в руки этих тварей. Ради чего? Ради нескольких мешков с гнилым зерном?

Каэлан обернулся. Его лицо было усталым, но взгляд твердым.

– Ради шанса, Варг. Шанса, что нам не придется хоронить еще десяток детей завтра утром. Я не подпишу с ними договор. Я посмотрю им в глаза. И я решу.

– Ты решишь? – Варг горько усмехнулся. – А кто дал тебе право решать за всех нас? За тех, кто будет вынужден вытаскивать тебя из западни, когда эти золотые маски начнут резать тебя на части, чтобы посмотреть, как ты устроен внутри?

Они больше не спорили. Они констатировали факты. Два разных мира, два разных понимания долга. Каэлан развернулся и вышел за ворота. Его группа последовала за ним. Варг смотрел им вслед, пока они не скрылись в лесу. Он чувствовал жгучую ярость и… страх. Не за себя. За них. За Легион, который трещал по швам.

Место встречи было назначено на нейтральной территории – на краю высохшего русла реки, в нескольких часах пути от лагеря. Здесь, у самой кромки Багрового Тумана, воздух вибрировал от энергии, исходящей от неподвижной, но пульсирующей багровой стены. Запах был сладковатым и металлическим, одновременно притягательным и отталкивающим. Земля под ногами была покрыта серым, хрупким налетом, похожим на пепел.

Их уже ждали. Не Эмиссар, а другой представитель Консорциума. Он был одет так же безупречно, но его маска была не золотой, а серебряной, с тонкой, словно паутина, гравировкой. Рядом с ним стояла крытая повозка, запряженная не лошадьми, а двумя странными, механическими существами, собранными из полированного металла и тихо потрескивавшей энергии. Это были Големы. Их пустые глазницы светились тем же багровым светом, что и Туман.

«Я – Оценщик Седьмого Круга, – раздался безличный голос, похожий на голос Эмиссара, но с легкими, механическими помехами. – Вы приняли разумное решение».

– Мы здесь, чтобы выслушать ваши условия, – сказал Каэлан, останавливаясь в десяти шагах от Серебряной Маски. – Не чтобы соглашаться.

«Все в этом мире имеет свою цену, Носитель Ключа. Даже слушание».

Оценщик сделал едва заметный жест, и один из Големов, с лязгом повернувшись, открыл заднюю дверцу повозки. Внутри лежали аккуратные ящики. Оценщик открыл один из них. Он был доверху наполнен сушеным мясом, зерном и восковыми кругами твердого сыра. Запах, простой и питательный, показался здесь, в этом проклятом месте, самым восхитительным ароматом на свете. Лира ахнула, глядя на другой ящик, где в бархатных гнездах лежали склянки с лекарствами, бинты, хирургические инструменты из блестящей стали.

– Это… все это… – прошептала она.

«Первоначальный взнос. Демонстрация доброй воли. В обмен на демонстрацию с вашей стороны».

– Какую демонстрацию? – спросил Каэлан, его рука непроизвольно сжала эфес клинка.

«Ключ резонирует с Флюксиром. Продемонстрируйте это. Подойдите к границе. Позвольте Ключу взаимодействовать с ним. Мы будем наблюдать и записывать данные. Это все, что требуется для этой транзакции».

Каэлан посмотрел на багровую стену. Она была всего в сотне шагов. Он чувствовал, как клинок на его поясе начинает вибрировать, издавая тихий, жаждущий гул. Он помнил свои видения, свою головную боль. Он знал, что это опасно. Но он также видел голод в глазах своих людей. Он слышал кашель больных.

– Нет, – сказал он тихо, но твердо. – Не сейчас. Сначала вы отдаете нам продовольствие и медикаменты. Затем… возможно, мы рассмотрим вашу просьбу.

Серебряная Маска замерла. Казалось, она обдумывает его слова.

«Недоверие – разумная позиция. Но неэффективная. Мы предлагаем параллельный обмен. Вы подходите к границе. Ваш спутник, – маска повернулась к Элиану, – может наблюдать за передачей товаров вашим людям. В реальном времени».

Элиан, не двигаясь, послал Каэлану ментальный импульс, быстрый и острый, как укол: *«Они показывают нам лагерь. На экране в повозке. Они наблюдают за нами. Всегда.»*

Каэлан почувствовал ледяной укол в сердце. Они видели их слабость. Их отчаяние. И они использовали это.

– Половина, – сказал Каэлан, и его голос дрогнул. – Отдайте половину сейчас. И я сделаю то, о чем вы просите.

«Согласованно».

Големы начали выгружать ящики, складывая их на землю. Лира, не в силах сдержаться, бросилась к ним, проверяя содержимое. Ее глаза блестели. «Настоящие антисептики… Сердечные стимуляторы… Боги, это спасет десятки жизней!»

Каэлан смотрел на нее, и его тошнило от стыда. Он торговался. Торговался с дьяволом, используя жизни своих людей как разменную монету. Он медленно пошел по высохшему руслу к багровой стене. С каждым шагом клинок на его поясе горел все ярче, и его собственная голова начинала раскалываться от боли. Шепот призраков становился громче, навязчивее.

Он остановился в нескольких футах от кромки Тумана. Энергия, исходящая от него, заставляла волосы на его руках вставать дыбом. Он чувствовал, как Туман «тянется» к нему, к клинку, словно живой организм, чувствующий родственную душу.

– Что мне делать? – тихо спросил он, обращаясь к Серебряной Маске, которая теперь стояла рядом с ним, держа в руках странный прибор, похожий на арбалет с хрустальной линзой вместо стрелы.

«Ничего. Просто стойте. Позвольте Ключу быть. Мы измерим резонанс».

Каэлан замер. Он чувствовал, как багровая энергия обволакивает его, проникает в него через поры, через клинок. Видения поплыли перед его глазами. Искаженные лица. Крики. Боль. Он сжал зубы, пытаясь не закричать. Он видел, как прибор в руках Оценщика светится, испуская тихие щелчки. Они записывали его агонию. Превращали ее в данные.

Прошло десять минут. Они показались вечностью.

«Достаточно,– наконец произнес Оценщик. – Данные получены. Товар ваш».

Каэлан, шатаясь, отошел от Тумана. Он был бледен как смерть, его тело била мелкая дрожь. Он посмотрел на груду ящиков. На сияющее лицо Лиры. На безмолвный вопрос в глазах Элиана.

Они выиграли. Они получили еду и лекарства. Но какой ценой? Они показали алхимикам свою слабость. Они позволили им изучить связь между клинком и Туманом. Они сделали первый шаг по скользкому пути, в конце которого их ждало полное порабощение.

– До следующей встречи, Носитель Ключа, – сказал Оценщик и, повернувшись, вскарабкался в повозку. Големы ожили и повезли его прочь.

Каэлан стоял и смотрел на ящики с едой. Они пахли жизнью. Но он знал, что только что заключил сделку с самой смертью. И Варг был прав. Это был торг. Торг на крови. И они только что продали часть своей души.

Возвращение в лагерь с продовольствием и медикаментами было встречено не ликованием, а глухим, тяжелым молчанием. Да, голодные глаза беженцев загорелись при виде мешков с зерном, матери с надеждой тянули руки к ящикам с лекарствами, которые несли ополченцы. Но эти же люди видели, как группа Каэлана уходила на встречу с золотыми масками, и видели мрачные, неодобрительные взгляды ветеранов Варга. Радость от получения помощи была отравлена знанием ее цены.

Варг наблюдал за разгрузкой, прислонившись к столбу у своего сектора. Он не говорил ни слова. Его молчание было красноречивее любой тирады. Он просто смотрел, как Лира с почти религиозным рвением распределяет склянки и бинты среди своих помощников, как Каэлан, все еще бледный и потрясенный, отдает тихие распоряжения о организации раздачи еды. Они продались. Всего на шаг, всего за несколько ящиков припасов, но дьявол никогда не требует всего сразу. Он берет по кусочку.

Лира, однако, не видела в этом продажи. Она видела спасение. И возможность. Пока ее помощники разбирали лекарства, она уединилась в своем углу лазарета, под закопченным сводом руин, где свет факела отбрасывал прыгающие тени на каменные стены. Перед ней на грубом столе лежали не только полученные медикаменты. Рядом с ними она разложила кое-что еще. Трофеи. То, что ей удалось незаметно стащить во время «транзакции».

Это были не предметы в привычном понимании. Обломки. Крошечный осколок того самого хрусталя с мерцающими прожилками, что был на посохе Эмиссара. Он валялся на земле после того, как один из Големов неловко двинулся. Несколько обрывков пергамента, выпавших из папки Оценщика, испещренных сложными химико-магическими формулами. И самое цен-

ное – пустая, использованная алхимическая колба, в которой когда-то содержалась та самая «бледная слизь» – разбавленный Туман.

Ее пальцы, привыкшие к точным движениям, дрожали от возбуждения. Она зажгла несколько свечей, достала свои инструменты: увеличительное стекло, набор игл, реагенты собственного изготовления. Она начала с колбы. Внешне она была сделана из обычного стекла, но на ощупь… оно было теплым. И не остывало. Она поднесла его к уху. Тихий, едва уловимый гул, похожий на тот, что издавал клинок Каэлана, но на порядок слабее и… стабильнее.

«Стабилизация», – прошептала она. – «Вот их секрет».

Она налила в колбу несколько капель дистиллированной воды. Ничего не произошло. Тогда она добавила щепотку порошка из «Кровавого зуба» – одного из растений, принесенных лазутчиками. Вода тут же окрасилась в мутно-розовый цвет. Лира ахнула. Растение, рожденное Туманом, реагировало на его следы. Но это было не то. Она промыла колбу и попробовала другой реагент – вытяжку из серебряного мха, известного своими очищающими свойствами. И снова – реакция. На внутренней поверхности стекла проступил слабый, почти невидимый узор. Тот самый узор, что был на руническом стержне. Руны сдерживания.

Они были вытравлены не снаружи, а внутри стекла, на молекулярном уровне. Это была не гравировка, а изменение самой структуры материала.

– Боги… – прошептала она. – Они не алхимики. Они инженеры. Маги-инженеры.

Она отложила колбу и взяла осколок хрусталя. Под увеличительным стеклом он был еще более прекрасен и ужасен. Прожилки внутри него не были случайными. Они образовывали сложнейшую, фрактальную схему, напоминающую нейронные связи или… кровеносную систему. Она была живой. Нет, не живой. Но активной. Она провела по нему стальной иглой. Игла на мгновение прилипла к поверхности, а затем отскочила с легкой искрой. Кристалл накапливал и передавал энергию. Энергию Тумана.

И тут ее осенило. Она схватила обрывки пергамента. Формулы были не просто сложными. Они были абсурдными с точки зрения классической алхимии. Они описывали процессы, которые должны были приводить к взрыву, к распаду, к хаосу. Но здесь, в контексте этих рун сдерживания, этой кристаллической структуры… они обретали смысл. Они описывали не создание, не преобразование. Они описывали насильственное удержание. Тюремную камеру для хаоса.

Она откинулась на спинку стула, и по ее спине пробежал холодок. Весь ее восторг первооткрывателя мгновенно испарился, уступив место леденящему душу ужасу. Консорциум не понимал Туман. Они не искали способ его уничтожить или обуздать. Они нашли способ его *эксплуатировать*. Они взяли дикую, всепоглощающую стихию, поставили ее в клетку и заставили крутить колесо, как ручную обезьянку. Они не контролировали бурю. Они лишь построили очень прочный зонтик, под которым можно было стоять, пока ветер вырывает с корнем деревья и сносит дома.

И этот «зонтик» они продавали. Они продавали иллюзию контроля. Но любая иллюзия рано или поздно рушится. И когда рухнет эта… последствия будут ужасны. Туман не был инертной субстанцией. Он реагировал. Лира видела это по клинку Каэлана. Он жаждал, он тянулся к чему-то. А алхимики тыкали в него палками, тыкали в самый его источник, и рано или поздно он ответит.

Она посмотрела на ящики с лекарствами. Такие чистые, такие совершенные. Продукт той самой системы, что была обречена на коллапс. Они лечили симптомы, в то время как сама болезнь копила силы для смертельного удара.

Ей нужно было поговорить с Каэланом. Сейчас же. Она вскочила и выбежала из лазарета, едва не столкнувшись с одним из своих помощников.

– Где Полководец? – спросила она, задыхаясь.

– На западе, с Варгом, – ответил тот, с удивлением глядя на ее перекошенное от ужаса лицо. – Говорят, опять спорят.

Лира бросилась через лагерь, расталкивая людей. Она пролетела через нейтральную полосу, игнорируя враждебные взгляды ветеранов. Она нашла их у самого частокола, на границе сектора Варга. Они стояли друг напротив друга, и по их позам было ясно, что разговор снова зашел в тупик.

– Каэлан! – крикнула она, подбегая. – Я была не права! Варг был прав!

Оба мужчины повернулись к ней, удивленные ее тоном.

– Что случилось? – спросил Каэлан, его усталое лицо выразило беспокойство.

– Они не контролируют его! – Лира почти рыдала, ее слова вырывались пулеметной очередью. – Они его сдерживают! Заключают в бутылки! Их технологии… это не понимание, это тюрьма! Очень сложная, очень эффективная, но тюрьма! И любая тюрьма когда-нибудь дает сбой! Они играют с силой, которую не в состоянии по-настоящему осознать! Они не союзники! Они… катализатор! Они ускорят конец!

Она протянула ему осколок кристалла и исписанные формулами клочки пергамента.

– Смотри! Они не гасят огонь! Они заливают его ускорителем, думая, что это вода! Мы не можем иметь с ними ничего общего!

Каэлан взял у нее из рук осколок. Он был теплым и пульсировал в такт боли в его висках. Он посмотрел на Варга. Тот не сказал «я же говорил». Его лицо было мрачным и серьезным.

– Значит, торг был не просто аморальным, – тихо сказал Каэлан. – Он был смертельно опасным.

– Да, – выдохнула Лира, слезы наконец потекли по ее щекам. – Мы не купили спасение. Мы купили билет на тонущий корабль. И теперь мы на его борту.

Они стояли втроем, и груда ящиков с едой и лекарствами в центре лагеря внезапно показалась не спасением, а самой страшной иронией. Личина прогресса, под которой скрывалось лицо неминуемой гибели. И они только что впустили это лицо в свой дом.

Ночь после возвращения делегации Каэлана была самой тихой и самой тревожной за все время существования лагеря. Тишина стояла не мирная, а густая, зловещая, как затишье перед бурей. Из сектора Варга не доносилось привычного лязга оружия и хриплых шуток. Его люди молча сидели у костров, чистя амуницию и бросая угрюмые взгляды в сторону руин, где под охраной ополченцев лежали ящики с припасами от Консорциума. Эти ящики были молчаливым укором, физическим воплощением раскола.

В секторе Каэлана царила странная, вымученная атмосфера. Люди были накормлены – впервые за многие дни желудки не сосало от голода. Раненые получили настоящие лекарства, и стоны в лазарете стали тише. Но благодарности не было. Было тяжелое, виноватое молчание. Все понимали, какой ценой куплено это временное облегчение. И все с ужасом ждали, что будет дальше.

Именно в этой атмосфере всеобщего напряжения и созрело семя, которое бросит всю их хрупкую конструкцию в пропасть. Семя это звалось Гарн.

Гарн был не беженцем. Он был одним из лидеров местного ополчения, присоединившегося к Легиону несколько недель назад. Бывший староста сожженной деревни, человек грубый, практичный и не обремененный излишней моралью. Он видел, как умирают его люди от голода и ран, и видел, как помощь пришла не от доблестных подвигов Легиона, а от сомнительной сделки с непонятными силами. И его практичный ум сделал свой расчет.

Глубокой ночью, когда лагерь погрузился в тревожный сон, Гарн тайком пробрался в сектор Варга. Его провели к командиру. Варг сидел на обрубке дерева у костра, точа свой топор бруском. Он не удивился визиту.

– Гарн, – произнес Варг, не поднимая глаз. – Пришел предать Каэлана?

Гарн фыркнул, усаживаясь на корточки по другую сторону костра. Его лицо, обветренное и жесткое, было освещено снизу прыгающими тенями, что делало его похожим на горного тролля.

– Предать? Нет, Варг. Я пришел говорить о выживании. Твоего Легиона. И моего народа.

– Твой народ сейчас жрет хлеб, купленный его душой, – мрачно бросил Варг, проводя большим пальцем по лезвию, проверяя остроту.

– И это лучше, чем жевать кожу с собственных сапог! – отрезал Гарн. – Слушай, я не ученый, как эта девчонка Лира. Я не мистик, как Каэлан. Я – земледелец. Я знаю простые вещи. Чтобы растение росло, нужны солнце и вода. Чтобы народ выжил, нужны еда и безопасность. Каэлан не может дать ни того, ни другого. Его путь – это путь мученика. Он готов умереть за идею. А я не готов позволить умереть за его идею всем, кто пошел за ним.

Варг наконец поднял на него взгляд. В его глазах не было одобрения, но был интерес.

– Говори дальше.

– Эти алхимики… да, они странные. Да, они опасные. Но они сильные. У них есть ресурсы. Они предлагают сделку. Каэлан боится ее принять, потому что боится потерять контроль. Боится стать их марионеткой. А я считаю, что лучше быть живой марионеткой, чем свободным трупом.

– И что ты предлагаешь? Перейти на их сторону? Стать их… кем? Наемником? – в голосе Варга прозвучало презрение.

– Я предлагаю здравый смысл! – Гарн ударил себя в грудь толстым пальцем. – Консорциум хочет изучать Туман. Пусть изучают! Они хотят иметь доступ к Каэлану и его клинку. А что мы хотим? Мы хотим выжить! Мы можем стать… буфером. Посредниками. Мы обеспечиваем им безопасность, доступ к тому, что они хотят, а они обеспечивают нас всем необходимым. Мы сохраняем автономию, но под их защитой. Это не предательство, Варг! Это реализм!

Варг медленно покачал головой. Он видел логику в словах Гарна. Грязную, циничную, но неоспоримую логику. Это был расчет, лишенный чести, но полный прагматизма.

– Ты забываешь одну маленькую деталь, Гарн. Малкаор. Он никуда не делся. И он не позволит алхимикам просто так забрать его «поставщика».

– Малкаор… – Гарн усмехнулся. – Малкаор воюет с Туманом. А алхимики его используют. Кто, по-твоему, сильнее? Тот, кто борется с рекой, или тот, кто строит на ней плотину и запускает мельницу? Консорциум – это сила. Новая сила. И нужно быть на стороне силы, чтобы выжить.

Он помолчал, давая словам проникнуть в сознание Варга.

– Каэлан никогда на это не пойдет. Он будет цепляться за свои принципы, пока мы все не умрем. Но ты… ты другой, Варг. Ты воин. Ты понимаешь, что иногда для победы нужно запачкать руки. Твои люди последуют за тобой. Мои люди последуют за мной. Вместе мы – большинство в этом лагере. Мы можем… убедить Каэлана уступить. Или отстранить его. Временно. Ради общего блага.

Варг смотрел на пламя костра. Искры взлетали в черное небо, словно души, возносящиеся к своим богам. Он думал о мертвых. О Орике. О тех, кто погиб у Реквиемского моста. Обещать им месть – было одно. А вести их в объятия к тем, кто, возможно, был еще хуже, чем Малкаор… это было другое.

– Ты предлагаешь мне гражданскую войну, Гарн, – тихо сказал Варг. – Здесь, в стенах нашего последнего убежища.

– Я предлагаю тебе выбор, – так же тихо ответил Гарн. – Между медленной смертью в грязи с Каэланом и шансом на жизнь, пусть и не идеальную, с сильными союзниками. Третьего не дано. Алхимики не будут ждать вечно. Если мы не примем их предложение, они найдут других. Или просто уничтожат нас, как назойливых мух.

Он встал, отряхивая колени.

– Подумай, Варг. Но думай быстро. Мои люди уже готовы к действию. Я даю тебе до рассвета.

Гарн развернулся и ушел, растворившись в темноте. Варг остался сидеть у костра. Он смотрел на свое отражение в отполированном лезвии топора. Оно было искажено и изломано. Таким же, как и он сам. С одной стороны – долг. Долг перед памятью павших, перед братством Легиона, перед Каэланом, который, несмотря ни на что, был его командиром и, он это знал, в глубине души желал добра. С другой стороны – ответственность. Ответственность за живых. За тех, кто доверил ему свои жизни сегодня. За возможность спасти их, пусть и ценой чести.

Он был воином. Он привык к простому выбору: враг там, друг здесь. Но сейчас враги и друзья смешались в кровавый клубок. Алхимики были врагами? Или Малкаор? Или и те, и другие? А Каэлан… был ли он все еще другом? Или он стал угрозой их выживанию своим упрямым идеализмом?

Предательство по расчету. Гарн был прав. Это был расчет. Холодный, безэмоциональный расчет, который говорил, что для спасения многих можно пожертвовать немногими. Или их принципами.

Варг поднял голову и посмотрел в сторону руин, где спал Каэлан. Он не знал, что выберет. Но он знал, что с рассветом лагерь изменится навсегда. И его решение определит, станет ли это изменение их спасением или окончательной гибелью. Рассвет был всего через несколько часов. И время, отпущенное на раздумья, истекало с каждой минутой.

Решение пришло к Варгу не как озарение, а как тихий, беспощадный приговор. Он не мог пойти на сделку с Гарном. Не потому что она была аморальной – в войне мораль была роскошью, – а потому что она была глупой. Поверить алхимикам, этим торговцам смертью в золотых масках, было все равно что довериться ядовитой змее. Они не были союзниками. Они были раковой опухолью, и любое соглашение с ними лишь отсрочивало бы неизбежную смерть, давая опухоли время прорасти внутрь.

Но он также не мог позволить Каэлану и дальше вести их по пути медленного угасания, надеясь на чудо или на милость тех же алхимиков. Ему нужен был свой ход. Ясный, жесткий и недвусмысленный. Ход, который расставит все по местам и заставит и Каэлана, и алхимиков, и всех в лагере понять, что игра изменилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.